

рениции синонимов и взаимодействия литовских диалектов. Как видно, внутренняя форма предопределяет возможные пути, тенденции развития семантики лексем. Семантическая деривация лит. лексемы *minia* (в т.ч. *zmyne*) и прусск. *pjrin* по модели ‘*давить → множество’ дает основания полагать, что данная модель является одной из продуктивных моделей семантической деривации не только в английском языке (Ср.: лексема *crowd*) [2; 3], а также является частной разновидностью более общей модели ‘действие деструктивное → множество’. Это также может способствовать решению этимологического вопроса о том, что происхождение лит. лексемы *minia* от русск. *много* является несостоятельной.

Заключение. Проанализировав деривационную активность семантики лексем с интегральной семой ‘множество’, можно прийти к выводу о том, что семантическая деривационная модель ‘действие → множество’ имеет унилатеральный характер, обладает потенциалом воспроизводимости не только в английском языке, а также литовском. Существует вероятность, что такой семантический переход может быть присущ другим языкам индоевропейской группы.

1. Traugott, E. C. Regularity in Semantics / E. C. Traugott, R. B. Dasher. – Cambridge University Press, 2005. – 364 p.
2. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // сб. науч. трудов Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова. – 2016. – Т. 20. – С. 301-308.
3. Бобрикова, Е.П. Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы / Е. П. Бобрикова // Вестник МГЛУ. «Филология». – 2018. – С. 75–83.
4. Кожина, А. А. Когнитивная лингвистика и этимология / А.А. Кожина // Т. Anstatt, B. Norman (eds.) // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 179–196.
5. Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы Языкознания. – 2001. – № 2. – С.13–25.
6. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York : Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM; Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Douglas Harper. – 2001–2016. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>. – Date of access : 20.04.2017.
7. Fraenkel, E. Litauisches Etymologisches Wörterbuch: 2 Bänder / E. Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter, 1962. – 1560 s.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ЗАПИСЯХ ПОЛЬСКИХ ЭТНОГРАФОВ

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Первого января 2019 года исполнилось 100 лет со дня официального создания белорусского государства. Однако политики, историки, этнографы, языковеды отмечают, что путь, пройденный белорусами к этой знаменательной дате, на самом деле длился еще минимум пять столетий, в процессе которых складывались элементы государственных атрибутов, общественных движений, внутри которых постепенно выкристаллизовывались ростки национального самосознания. И формирование национального языка в этом процессе, изучение его истоков, становления грамматической структуры и лексического состава, отражение в нем складывающегося национального менталитета занимает важнейшее место в понимании и научном осмыслении этого события. И в этом, в первую очередь, видится актуальность и практическая значимость исторических лингвистических исследований, которые, к сожалению, единичны в современном белорусском языкознании.

Цель данной работы – выявить и проследить развитие языковых форм, прежде всего, устойчивых словосочетаний, в структуре и содержании которых зафиксированы элементы мировосприятия, мироощущения народа на территориях, на которых постепенно формировалось будущее белорусское государство.

Материал и методы. Материал для исследования послужили записи, сделанные известными фольклористами, этнографами, языковедами XIX века, которых, прежде всего, интересовали этнографические особенности края, но записи и описания которых позволяют говорить и о языковых особенностях описываемых групп людей и территорий. Это работы П. Шпилевского, Г. Кулжинского, И. Носовича. Однако основная часть материала извлечена из этнографических записей польских исследователей белорусских земель Адама Киркора и Михала Федеровского. Анализ извлеченного языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Еще в начале XIX века российский исследователь Василий Сопиков, который, может быть, одним из первых употребил в официальном научном исследовании выражение «белорусский язык» и «Бѣлоруссія» [1; LXXXI], вместе с тем отказывался видеть в этом языке черты исторической самобытности и самостоятельности. В работе «Опыт российской библиографии» пишет, что под названием «белорусский язык нужно понимать диалект народа православного вероисповедания, который живет на Беларуси и в Польше...» [там же]. И этот диалект, по его мнению, представляет собой смесь, состоящую из славянского, русского, польского и латинского языков. Это высказывание сделано в 1813 году. Еще только через два десятилетия после этого появится сравнительно-исторический метод исследования языков, разработанный в России А.Х. Востоковым, и только через пятьдесят лет будет опубликована «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева. Поэтому у В. Сопикова не было серьезных теоретических знаний о исторических судьбах языков. И об этом сегодня можно было бы не вспоминать, если бы эта идея время от времени не возвращалась к жизни и не цитировалась в том числе и в наши дни. И аргументами несогласия с таким видением белорусского языка могут быть только факты.

В 1858 году в III выпуске «Этнографического сборника» польский этнограф Адам Киркор опубликовал в качестве приложения к статье «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» сравнительно небольшой «Словарь белорусско-кривичанского наречия жителей Виленской губернии» [2]. Словарь этот включал около 350 слов, записи нескольких народных песен, около 130 пословиц и поговорок. Анализ лексики, фонетических особенностей (насколько можно о них судить по орфографии текстов), некоторых грамматических форм позволяют утверждать, что на территориях, подвергнувшихся исследованиям, складывается самобытная, лексико-фонетическая система, которая демонстрирует существенные отличия от языков-соседей и во многих случаях мы можем говорить о том, что уже к середине XIX века сложились языковые формы, в целом свойственные и современному белорусскому языку. Правда, и А.Киркор, будучи прежде всего этнографом и не имея специальной лингвистической подготовки, впадает в ошибку, высказанную В. Сопиковым. Он пишет: «Белорусское наречие, употребляемое жителями Виленской губернии славянского племени, составляет нечто среднее между великороссийским, украинским и польским». И здесь же далее: «Оно несколько разнится от наречия, которым говорят крестьяне могилевской и белорусской части Витебской губернии, ибо там более русских слов» [2; 124–125]. Правда, приводя фактический языковой материал, автор сам себя опровергает. Говоря о так называемых «смещениях из различных языков», А.Киркор приводит на самом деле примеры, которые уже получили характер сформированных системных языковых форм и демонстрируют видимую самостоятельность языка изучаемой местности. К таким из записей А.Киркора можно отнести:

- приставной звук *в* перед *о* и *у*: *вокно, воко, восень, вулица*;
- замена «буквы *ф*» на *х* или *п*: *ахвицер, хвигура, хвига, француз*;
- отражение на письме аканья: *агонь, асмина, аканом*;
- окончание *-и* на месте русского *-ий*: *цихи, цяжки*; (здесь же отражено и развитие т.наз. «цеканья», на что А.Киркор не обратил внимания);
- развитие на месте исконной приставки-предлога *с* – *з*: «*збогом*», «*злюдзьми*», «*змяты*», «*збиты*», «*зуха*» (с уха), «*зсаломы*» (из саломы);

Такое же несоответствие записей языкового материала и выводов наблюдаем в указаниях А.Киркора на некоторые фонетические особенности «белорусского наречия». Так, он указывает, «что буква *д* большей частью заменяется звуком *дз*; вместо же *л* почти всегда употребляют *ў*, соединяя ее с предыдущей гласной... *даў, любіў, ехаў*» [там же]. То же самое, пишет А.Киркор, происходит и в словах заимствованных из других языков, например: *жаунер, каунер, аутар* (алтарь), *каутун*. Но то, что какое-либо фонетическое явление, свойственное языку, начинает подчинять себе и заимствованные формы – это как раз наглядное свидетельство самостоятельности и устойчивости языкового явления.

Особенно наглядно национальная самобытность проявляется в записях устойчивых словосочетаний. Сравним: *абое рабое; авечку стрыгуць, а баран дрыжыць; дзеткі падраслі, хатку растраслі; мужык дурны як варона, а хітры як ліс; улез як у нерад, ні ўзад, ні ўперад; на злудзею шапка гарыць; як пераначуеш, то болей пачуеш*. Национальная самобытность, «белорусскость» приведенных выражений не может вызывать сомнений.

Отмеченные А. Киркором признаки практической сформированности национального белорусского языка имели распространение на обширной территории нынешней Беларуси, а не только в тех местах Виленской губернии, в которых осуществлял свою собирательскую деятельность этнограф. Подтверждение этому находим в этнографических записях известного польского исследователя М. Федеровского [3]. Причем обращает на себя внимание современность многих записанных им устойчивых выражений, которые и сегодня широко используются и в устной речи, и в художественной литературе, и в публицистике. Сравним: *адклад не ідзе ў лад; не бывае агню без дыму; абадраць да ніткі; абадраць як Сідараву казу; абяцаць залатыя горы; што край, то абьчай; каму баліць, той і стогне; баба з калёс, а калёсы як чорт панёс; абяцанка цацанка, а дурному радасць; гэта мяне абыходзіць як летаішні снег; хоць альховы, абы новы.*

Показательны в этом отношении и зафиксированные М. Федоровским народные сравнительные обороты, многие из которых живы и актуальны и сегодня: *аблезлы як сабака; адзін як пень (як палец, як калок (у полі), як вока (у ілбе); баяцца як чорт крыжа, як сабака мух, як сабака вады, як воўк сабакі, як воўк ягняці, як ліхой шапкі;..азірацца як сабака на кірмашы (згубіўшы гаспадара); скаліцца як сабака на чужую працу.*

Заклучение. Отраженные в записях польских фольклористов языковые особенности фольклорных текстов позволяют делать выводы о длительной истории реального функционирования самобытного белорусского языка. И если уже к середине XIX века мы имеем возможность наблюдать сформировавшуюся богатую и разветвленную систему устойчивых фразеологических единиц, то можем говорить минимум про несколько столетий самостоятельности и самобытности языка, потому что такие системы не возникают и не приживаются в языке за одно столетие.

1. Сопиков, Василий. Опыт российской библиографии. Часть первая / Василий Сопиков. – Санктпетербургъ, 1813. – 464 с.
2. Киркор, А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию / А. Киркор // Этнографический сборник, издаваемый Императорским русским географическим обществом. Вып. 3. – СПб., 1858. – С. 115-276.
3. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. T. 4 / M. Federowski. – Warszawa,

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ ОЙКОНИМОВ ВИТЕБЩИНЫ

Т.Ю. Васильева
Витебск, УО «ВГМУ»

Факт наличия одного и того же наименования у разных объектов неоднократно привлекал внимание ономастологов, поскольку подобное явление наблюдается в различных ономастических полях. Несмотря на то, что исследователи топонимического материала (Л.Н. Григорьева, В.М. Генкин) указывали, что специфической чертой ойконимикона Витебщины является наличие значительного количества повторяющихся названий, феномен повторяемости ойконимов региона недостаточно изучен до настоящего времени.

Цель данной работы – выявление и описание семантических особенностей наиболее частотных ойконимов Витебской области, установление мотивов популярности подобных наименований.

Материал и методы. Материалом исследования послужили наиболее частотные названия населенных пунктов Витебской области, представленные в нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [1]. Для анализа отобранного материала привлекались дескриптивный, этимологический методы, элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Самым частотным в системе названий населенных пунктов Витебской области является ойконим *Слобода*, служащий наименованием 33 населенных пунктов. Популярность данного топонима обуславливается его семантикой, поскольку *слободой*, по данным «Исторического словаря белорусского языка», назывался ‘поселок, жители которого не были крепостными’ [2, с. 424]. Данный признак населенного пункта, несомненно, являлся очень важным, что способствовало активному процессу онимизации соответствующего апеллятива и, как следствие, появлению значительного количества подобных наименований в пределах региона.